

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39 (=512), 903–03/391
DOI: 10.17223/19988613/66/20

И.Е. Воробей, Л.Н. Хаховская, О.А. Митько

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КОМПЛЕКСАХ УДАРНОЙ ОГНЕДОБЫЧИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КОРЯКОВ СЕВЕРО-ЭВЕНСКОГО РАЙОНА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9, О.А. Митько; № гос. регистрации АААА-А17-117022850035-0, Л.Н. Хаховская) и гранта РГНФ (проект № 14-01-0061а, Л.Н. Хаховская).

Анализируются комплект одежды и сопроводительный инвентарь, приобретенные в 2015 г. в пос. Эвенск Северо-Эвенского района Магаданской области, среди вещей которых находились отдельные элементы огневого прибора. Привлечение ряда литературных и устных свидетельств позволяет наметить вероятную гендерную специфику, связанную с мотивами помещения компонентов ударного огневого набора в состав женского сопроводительного погребального инвентаря.

Ключевые слова: Верхний Парень; коряки-оленьеводы; погребальный обряд; огневые приборы; кремь; сера; спички; гендерные особенности.

Прямая связь доместики огня с процессом становления и развития *Homo sapiens sapiens* давно уже стала научной истиной, не требующей развернутых доказательств. Однако история взаимоотношений человека с огнем пока еще далека от логически стройного и завершенного свода научных знаний.

В течение прошлого века вышел ряд обобщающих трудов по огневым приборам различных типов, применявшимся народами Африки, Австралии, Океании, Северной и Южной Америки и Западной Европы. Представленные в них материалы и концептуальные разработки послужили основой для формирования в начале уже нынешнего столетия таких научных направлений, как археология огня (*the archaeology of fire*), археология пиротехнологий (*the archaeology of pyrotechnologies*). К сожалению, из исследовательского пространства выпала и вплоть до настоящего времени остается малоизученной территория Сибири и Центральной Азии, в разных частях которой сохранились археологические и этнографические свидетельства о технологиях добывания огня, адаптированных к местным климатическим условиям и особенностям культурной среды. Без учета данных о способах получения огня народами северо-восточной Евразии научная картина становления нашей цивилизации остается неполной.

При предпринятой ранее характеристике огневых приборов ударного действия в корякской культуре на первом плане оказался тот несомненный факт, что современный контекст их бытования определяется окончательным вытеснением в сферу погребальной обрядности [1. С. 262]. Особое значение данное обстоятельство приобретает в связи с тем, что «настоящие корякские»

вещи горят вместе с их обладателями в ходе надлежащих, достойных похорон – кремации. Такая похоронная практика обуславливает специфичный для коряков способ ухода вещей из жизни, а при отсутствии их производства и при значительных культурных трансформациях приводит к истощению и исчезновению металлического огневного фонда. Поэтому именно погребальный комплекс означает одновременно и конец перспективы, и реальную современную опору для обратного взгляда на историю огневой части корякского предметного мира.

Анализируя прежде всего погребальные материалы верхнепареньских коряков¹, мы принимаем следующие схематичные положения. К настоящему времени у верхнепареньских коряков сложился комплекс средств огнедобычи различной конструкции. В него входят три компонента, о которых, исходя из имеющихся данных, можно вести предметный разговор: деревянные приборы, металлические приборы и спички. Этот комплекс сформирован в результате последовательной суперпозиции компонентов, имеющих культурную историю различной длительности. Изначальной и коренной в этой последовательности является «деревянная» стадия, когда конструктивно одинаковые деревянные приборы для высверливания огня составляли предположительно две функционально и морфологически различающиеся группы: «сакральную» и «профанную». В первую входили антропоморфные семейные (или коллективные) огнива, совместившие в себе разнообразные деятельно-охранительные функции и функцию ритуализованной огнедобычи; собственно говоря, получение огня было только частью их «обя-

занных», и это было получение именно «чистого» огня. Во вторую группу входили простые, скорее всего индивидуальные, огнива, предназначенные исключительно для обыденно-ситуационной огнедобычи. Следующая стадия – «металлическая»: начало ей положено внедрением инокультурных огневых приборов ударного действия, центральным элементом которых является стальное кресало. И завершает последовательность финальная «спичечная» стадия, существенной характеристикой которой следует полагать то, что инструмент получения огня (заменявшая кремьень спичка), исчезая в единичном акте огнедобычи, имеет все характеристики расходного материала, а единственным сколько-нибудь устойчивым компонентом набора оказывается контейнер (коробок).

Данная публикация является продолжением описания комплексов именно ударной огнедобычи в погребальной обрядности западной группы коряков-оленево-дов: материалов о включении в их погребальные наборы деревянных огневых приборов у нас нет [2]. Здесь мы хотим представить некоторые новые этнографические данные, полученные в ходе работ в Северо-Эвенском районе Магаданской области. Их актуальность определяется прежде всего тем, что подобного рода сведения в записках этнографического характера и описаниях коряцкого погребального обряда содержатся нечасто и, как правило, сколько-нибудь подробно не разбираются [см., напр.: 3. С. 89; 4; 5; 6. С. 81; 7; 8].

В ходе полевых работ 2015 г., производившихся Магаданским областным краеведческим музеем, в пос. Эвенск у верхнепареньской корячки Л.П. Эквининой был приобретен комплекс погребальных вещей (МОКМ КП-35091/1-34, НВ-15004, НВ-15005). Эти вещи принадлежали ее маме Екатерине Кечгелхутовне Тынакъяв (1943–2013; коряцкое имя *Вентын*). Родители Е.К. Тынакъяв происходили из разных территориальных групп коряков: отец Кечгелхут (1902 г.р.) – из тополовских, а мать Лянэ (1900 г.р.) – из пареньских оленеводов. За верхнепареньского коряка Петра Михайловича Тынакъява Вентын была выдана замуж в начале 1970-х гг. В 2004 г. Е.К. Тынакъяв вместе со своей дочерью и мужем в с. Верхний Парень приняла протестантизм и вошла в общину пятидесятников, через какое-то время переехала с мужем в райцентр, где скоропостижно скончалась в 2013 г. Несмотря на крещение, она, согласно желанию, была сожжена на костре в окрестностях пос. Эвенск в соответствии с традиционным коряцким погребальным обрядом. По словам дочери, подготовкой погребальной одежды мама начала заниматься задолго до своей смерти – еще до замужества. Предназначенные для погребения вещи хранились отдельно в брезентовом мешке, но так и не были использованы, поскольку остались в селе, месте прежнего проживания².

Погребальный комплекс Е.К. Тынакъяв отчетливо делится на три группы предметов: меховая одежда, ее детали и заготовки; сопроводительный погребальный инвентарь; детали упряжи погребального оленя. Первая группа представлена прежде всего парой законченных рукавиц, заготовками торбасов, комбинезоном с обрезанным верхом и приделанной лямкой, заготов-

кой кухлянки в виде готового стана с пришитым упованом. Хвостатый упован кухлянки сформирован из двух старых орнаментальных полос с едва начатой (черная) и незаконченной (коричневая) вышивкой подшейным оленьим волосом, а также более поздней вставки, расшитой нитью и бисером. Для изготовления цельной верхней части кухлянки – капюшона и рукавов – предназначалось отдельное меховое полотно. Здесь же находятся и оставшиеся от раскроя кухлянки лоскуты. Отделкой кухлянки служат манжет и небольшой, отпоротый с другой вещи нагрудник (обе детали из заячьего меха). Вероятно, на нее должны были также нашиваться имеющиеся в наборе три сложные бисерные розетки с подвесками. Погребальная кухлянка обязательно оснащалась поясом, в качестве которого здесь присутствует отпоротый с ритуальной одежды пришитый наборный шаманский пояс с металлическими пуговицами (в том числе форменными), прикрепленной на месте пряжки округлой прорезной латунной бляхой от конской сбруи «русского» типа, подвесками (частично утрачены) и длинным «хвостом» в виде наборной тканево-меховой кисти с парой деревянных антропоморфных сучков-развилков. Для выкраивания подошв торбасов предназначен отрез дымленой кожи морзверя («лахтак»). В составе вещей имеются также кожаный лоскут и узкая орнаментальная полоса с начатой нитяной вышивкой, предназначение которых неясно.

Во вторую группу входят личные принадлежности, необходимые умершей в иной жизни. Среди них новая эмалированная кружка, игольник с одной иглой (в качестве стопора использована сбруйная бляха, аналогичная вышеупомянутой), женский кроильный нож, связка из четырех маленьких мешочков (с привязанной металлической моделью ножа), в которые обычно помещаются пища, табак, смола (?) и предметы огнедобычи, металлическая округлая подпружная пряжка с удлиненной узкой петлей от ремня для верхового оленя, мешочек из меха и кожи с предметами огнедобычи и каменным бифасом, тканевый узелок также с предметами огнедобычи, отдельный каменный бифас. Для формирования привесов к предметам сопроводительного инвентаря заготовлены разнообразные амулеты и амулетная полоса со значительным количеством бисера и бусин; пока же необходимыми привесами снабжены только кружка, подпружная пряжка и, возможно, игольник. Наконец, для украшения женских запястий приготовлены два браслета из медного сплава. Третья группа – свернутый алык из лахтачьей шкуры с несогнанным волосом и пара металлических блоков для уздечки – свидетельствует о том, что отправиться в мир мертвых Вентын намеревалась на оленьей упряжке.

Условно датировать формирование ядра этого комплекса можно концом 1960-х – началом 1970-х гг., но очевидно, что он содержит и более (в том числе и гораздо более) ранние вещи. Возможно, он дополнялся и в 1980-е гг. Аргументированное определение временных границ является особой исследовательской задачей. Данный погребальный комплекс не завершен, имеет пробелы, довольно необычный вид и за смертью прямой владелицы нуждается в сторонней интерпре-

тации и доказательстве его «аутентичности». Специфика его определяется тем, что это не готовый к погребению (пусть и с традиционно незавершенными деталями) сформированный набор, примеры которого описаны в литературе, да и в реальной жизни наблюдались неоднократно, — но подготовительный набор вещей, в чем-то даже избыточный, в котором есть как готовые изделия, так и материал для окончательного формирования комплекта личного сопроводительного инвентаря и атрибутов погребального транспорта. В состав такого комплекса могли быть добавлены некоторые предметы, равно как что-то могло из него изыматься и для других похорон. Комплекс, среди прочего, представляет интерес и из-за единичности представленных в литературе описаний именно подготовительного и хранимого погребального набора: судя по всему, в музеи попадают в основном разрозненные, пусть и высокого достоинства, вещи [9]. Приведенное выше общее функциональное представление реестра отчасти предположительно. Такая интерпретация не может быть однозначной даже внутри традиционной культуры, что заложено в самой природе длительного пути к смерти, особенно когда на этом пути происходят существенные социокультурные изменения. Человек формирует для себя принципиально незавершенный погребальный набор по общей традиционной схеме в порядке вынужденной личной творческой инициативы, но в итоге лишен возможности осуще-

ствить «авторский надзор», поэтому последнее слово всегда остается за распорядителями похорон, которые имеют свои собственные взгляды на происходящее.

Предметы ударной огнедобычи из данного погребального комплекса представлены двумя отдельными комплектами.

Один из них находился в специальном меховом мешочке размером 115×65 мм, сильно вытертом из-за длительного использования (рис. 1, 1). Трут (рис. 1, 2) изготовлен из гриба-трутовика по традиционному и хорошо знакомому всем народам Европы и Азии способу [10. Р. 565] (более поздний способ см.: [1. С. 257]). Деревянная серница размером $54 \times 26 \times 12$ мм треугольной формы с ушком для крепления шнурка с остатками затвердевшего расплава самородной серы (рис. 1, 5) была помещена в специальный кожаный чехол (рис. 1, 6), в котором лежали также фрагменты выпавшей из нее растрескавшейся серной массы и несколько кристаллов самородной серы (рис. 1, 4). Кроме того, в мешочке лежал, очевидно, подъемный археологический предмет из темно-серого базальта (рис. 1, 3). Изделие размером $65,0 \times 31,8 \times 12,4$ мм представляет собой бифас с нечетко выраженными элементами формы, позволяющими определить его как бифасиальный нож с коротким, узким, асимметрично-треугольным лезвием и широким, длинным, подпрямоугольным насадом. Его можно отнести к древнекорякской культуре и датировать сер. I тыс. н.э. — XVII в. н.э.

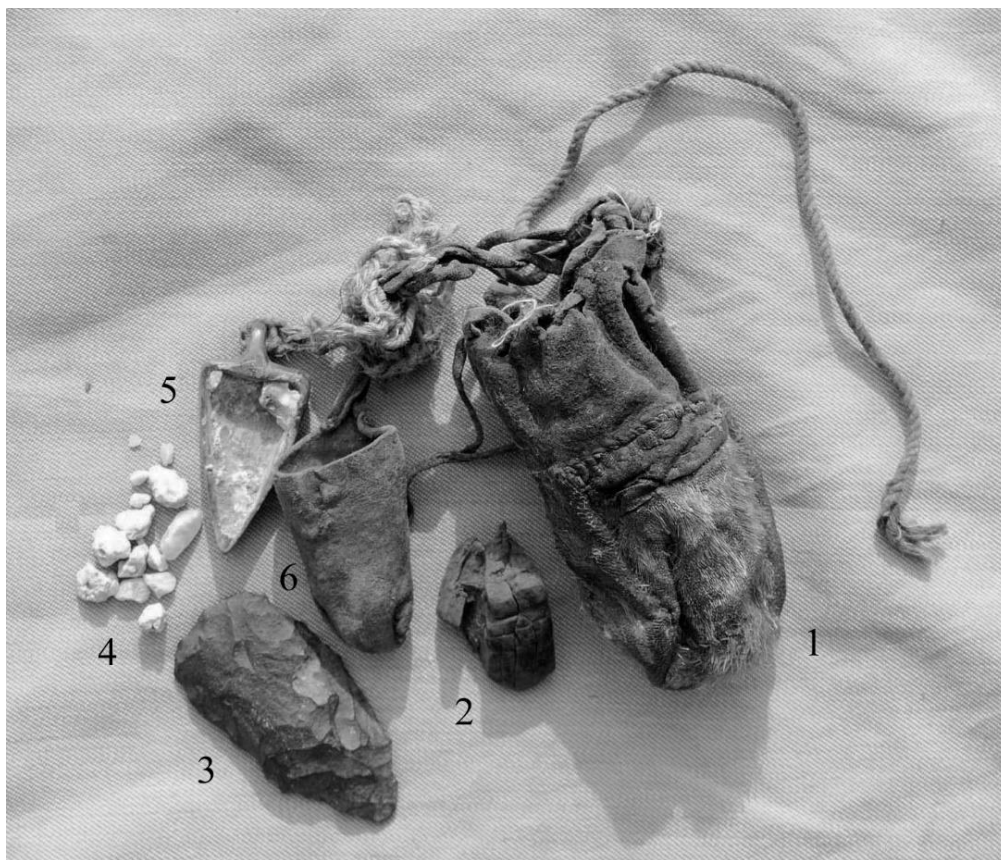

Рис. 1. Огневой набор из комплекса погребальных предметов Е.К. Тынакьяв (с. Верхний Парень):
1 — мешочек для огневого набора (МОКМ КП-35091/25); 2 — трут (КП-35091/27); 3 — бифасиальный каменный нож (КП-35091/26);
4 — кристаллы самородной серы и фрагменты серной массы из серницы (КП-35091/25); 5 — серница (КП-35091/25);
6 — чехол для серницы (КП-35091/25) (все без масштаба)

Другой комплект находится в отдельном тканевом узелке и состоит из четырех каменных предметов и россыпи самородной серы (рис. 2). Среди каменных предметов есть один грубоокатанный обломок халцедонового желвака стержневидной формы с клиновидным профилем, размером $50 \times 21 \times 16$ мм (рис. 2, 3). Два других – из кремневой породы, размером $44 \times 38 \times 15$ мм (рис. 2, 1) и $38 \times 31 \times 10$ мм (рис. 2, 2) – представляют собой соответственно уплощенный скол с участками смятости и ретуши утилизационной природы и более тонкий отщеп с намеренной (?) и утилизационной ретушью. Четвертый предмет из темно-серого кремня размером $34 \times 29 \times 14$ мм (рис. 2, 4) является ружейным кремнем четко выраженной формы в виде асимметричной усеченной пирамиды. Боковинки у него кру-

тые, представляют собой плоскости сечений, образованных в результате фрагментации заготовки, с четко выраженными позитивами ударных конусов от верхней (дорсальной) грани. Пятка оформлена трансфасиальными крутыми-отвесными сколом и ретушью, заложенными с вентральной поверхности; углы слегка скруглены. Ударный конец дугообразно-вогнутый, оформлен захватывающей полукруглой вентральной ретушью, образовавшей собственно ударный край с углом $47\text{--}54^\circ$. На всех краях по вентральному периметру фиксируются фасетки дорсальной, вентральной или бимаргинальной ретуши утилизации, с заметными участками смятости. Подобные характерного облика ружейные кремни широко известны в литературе как «английские», или «британские» [11–14]³.

Рис. 2. Содержимое тканевого узелка с предметами огнедобычи (КП-35091/28):
1–4 – кремни; 5 – кристаллы самородной серы с включением мелких зерен бисера и осколков бусин (все без масштаба)

Данный экземпляр мы полагаем импортным и предварительно датировем серединой – второй половиной XIX в. Сопутствующая каменным предметам самородная сера оказалась смешанной со стеклянными бисером и обломками бусин (рис. 2, 5) общим количеством 30 ед. Сера желтого цвета, полупрозрачная и непрозрачная; размеры частиц от пылеватых (значительно менее 0,5 мм) до 11,0 мм в максимальном измерении. Осколки мелких зонных бусин (или одной бусины?) одного янтарного цвета как будто фиксируют высоту бусины 5,4 мм. Зерна бисера имеют разные цвет, прозрачность, форму (зонные и цилиндрические) и размеры (от $1,1 \times 2,7$ до $2,4 \times 2,4$ и $1,5 \times 2,9$ мм).

В обоих комплексах отсутствуют стальные кресала, которых вообще нет в инвентаре погребального комплекса, что можно объяснить, прежде всего, его подготовительной спецификой, отмеченной выше⁴. Возможно, в качестве их заменителей (моделей) стоит рассматривать металлическую кольцевидную пряжку от подпружного ремня для верхового эвенского оленя, поскольку развитая практика моделирования отдельных элементов погребального инвентаря отмечалась

ранее на примерах кресал⁵, серницы, табакерки⁶, снеговывивалки [2. С. 104, 105, 108]. В духе заместительного моделирования можно объяснить и присутствие в первом комплексе ископаемого каменного артефакта: он играет роль отсутствующего настоящего функционального кремня. Еще один археологический предмет – удлиненный узкий бифас из аналогичного базальтового сырья размером $88,1 \times 26,4 \times 10,1$ мм (КП-35091/31) – находился в составе комплекса вне непосредственной вещественной связи с огневыми комплексами, но, вероятно, тоже является припасенной моделью кремня. Яркая специфика второго комплекса – наличие фрагментов бусин и бисера – из-за их заметного количества не может быть обусловлена случайной примесью и ранее как будто в историографии погребальных огневых наборов не отмечалась. Ее следует рассматривать как признак «жертвоприношения» – *инэлит*. При этом пересечения семантических полей погребальности и «жертвоприношений» не дают возможности однозначно определить его конкретную функцию; один из гипотетических вариантов интерпретации – в узелке собрана передача ранее умершим

родственникам, другой – бусино-бисерная примесь служит меткой отправления в иной мир.

В проанализированных ранее данных, отражающих бытовую повседневность и погребальную практику, огневые приборы ударного действия и сопутствующие им материалы огнедобычи представлялись нам в заметной мере связанными с феноменом табакокурения [1, 2]. Факты, вроде бы подтверждающие эту связь, прослеживались в сопряженности огневых приборов и «табачного комплекта», широчайшем современном распространении курения и в актуальных объяснениях персонального погребального инвентаря как крайне необходимого для долгого пути и нормальной жизни в ином мире. Однако в исторической ретроспективе «этиология личного погребального огня» может оказаться иной. В связи с этим нам кажутся существенными два взаимосвязанных вопроса:

1. Чем было появление огневых приборов ударного действия и связанных с ними компонентов в корякской погребальной обрядности – абсолютной инновацией или же «модернизацией»⁷, когда они, в связи с изменением технологии огнедобычи, заместили в погребальном ритуале использовавшиеся ранее деревянные наборы, привнеся дополнительные смыслы, связанные, например, с табакокурением, но не изменив принципиально статуса огневого набора вообще?

2. Являются ли ударные огневые комплексы самостоятельной категорией погребального инвентаря коряков или же попадают в него как составная часть курительного набора?

Перспективы ответа на эти вопросы с опорой на конкретные разносторонние наблюдения и детализированные устные свидетельства в значительной степени обусловлены этнографической реальностью.

В настоящее время у коряков деревянные огнива, судя по всему, еще сохранили свои пастушеские и охранительные функции, но функцию ритуальной добычи огня утратили совершенно, да и до этого подобные обычаи соблюдались далеко не повсеместно. Например, Я.А. Яввек (1955 г.р.) не помнит, чтобы огонь высверливали, тогда как П.М. Тынакъяв (1946 г. р.) рассказывал, что в семье Н.Т. Кулгу (1944 г. р.), на р. Тылхой, на празднике начала лета (*анозв'енен*) в устанавливаемой юрте с помощью деревянного огнива разжигали огонь еще в 1990-е гг. При этом следует учитывать, что Кулгу происходил из семьи с крепкими традициями. Он был сыном известного оленевода и шамана Тумухая (1910 г.р.), так и не вступившего в совхоз, в семье которого «шаманили» все: он сам, обе его жены и сын.

Вышли из обихода и огневые приборы ударного действия, но некоторые примеры, относящиеся ко второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., показывают, что какая-то часть ритуальной огнедобычи осуществлялась с их помощью. Я.А. Яввек вспоминал, что когда он был маленький, то в кочевавшей на р. Тылхой семье Аткына на зимний праздник («корякский Новый Год», *тойгэвэгийнын*, *кинтак*) его жена Детантэ получала огонь «двумя белыми камнями», искры от которых заставляли тлеть мох, который потом раздували и переносили на костер. Полной уверенности в том, что в добыче огня использовались

только камни, без металлического кресала, Я.А. Яввек не выказал⁸. Заметим, что наблюдающийся в этих представлениях отрыв кремней от металлического кресала позволяет наметить путь объяснения довольно редкой черты второго огневого компонента в погребальном наборе Е.К. Тынакъяв, а именно отдельного помещения четырех кремней вместе с серой в полотняную завязку.

С.Э. Хечай (1949 г.р.) рассказал, что его мать Навьяво (1921 г.р.) разводила огонь с помощью металлического кресала и небольшой металлической пластинки в качестве кремня при установке яранги на новом месте. Такой огонь, по корякским представлениям, являлся священным, «чистым». Деревянные огневые снаряды-*гычгыи* она тоже вынимала из мешка и клала поблизости – «пусть посмотрят». Металлические огневые принадлежности Навьяво хранила в мешочке, а его, в свою очередь, помещала в тот мешок, где хранились гычгыи, пошитый из старых мембран от бубна. Видно, что в этом ритуале металлическое кресало замещает деревянный снаряд, но гычгыи не забыт и является «смотрителем». Если же разведенный металлом огонь в яранге гас, то вновь его разводили уже вполне обычно – спичками.

Прослеживаемая в этих единичных сведениях тенденция к «феминности» ритуальной ударной огнедобычи как будто подтверждается свидетельством Светланы Анатольевны Инылив (1963 г.р.), которая была замужем за воспитанником Тумухая Виктором Константиновичем Иныливым и хорошо знала обычаи их семьи. Светлана отмечала, что в контексте повседневного обывденного использования спичек ситуационная ударная огнедобыча осуществлялась женщинами, а получение «деревянного» огня оставалось прерогативой мужчин⁹.

Такое положение вещей делает вероятным предположение, что умерших корякских женщин могли снабжать огневыми приборами ударного действия, их компонентами или искроприемниками еще и потому (или только потому), что и в мире мертвых они остаются хранительницами огня и очага.

В качестве доказательной параллели здесь можно рассматривать свидетельство В.Г. Богораза о том, что умершей чукотской женщине среди вещей для ее последней поездки кладут (вероятно, не всегда, так как в англоязычном издании пишется «часто» [15. Р. 533]) «модель деревянного огнива со всеми принадлежностями» [16. С. 192]. При этом хорошо видна земная мотивация – деревянный прибор в виде модели дается именно женщине, которая была с ним тесно связана и при жизни. Согласно наблюдениям известного знатока палеоазиатской этнографии В.В. Горбачевой¹⁰, модель деревянного огнива в погребальный инвентарь кладут и коряки, но лишь в исключительных случаях. Женщине же могут положить модель огнива, только если она при жизни владела стадом.

Изготовление у чукчей «заместителя» находит вполне правдоподобное объяснение в том, что настоящая огнивная доска числилась принадлежностью домашнего очага, переходила к наследникам и поэтому ее никогда не хоронили вместе с умершими [17. С. 152].

Хотя, по мнению В. В. Горбачевой, в числе прочих вещей «верхним людям» посылать настоящий ритуальный огневой прибор все же могут¹¹.

В отличие от деревянных огнив, входящих в погребальный сопроводительный инвентарь только в виде моделей¹², ударные огневые приборы, как видно, участвуют в похоронном процессе сами, случаи же замещения их компонентов вполне объяснимы редкостью оставшихся в наличии экземпляров. Причина, открывающая возможность такого обращения с ударными приборами у коряков, состоит в том, что они, выйдя из повседневного употребления, заняли свое законное место в обрядовой сфере, но не утвердились в качестве принадлежности домашнего очага и семейного наследства¹³, — это и позволило им беспрепятственно путешествовать с мертвой женщиной в качестве индивидуальной, но не утилитарной (вроде кружки, ложки и табакерки) принадлежности.

Таким образом, версия о том, что ударные огневые комплекты попадают в погребальный инвентарь коряков исключительно как составная часть курительного набора, теперь не кажется нам столь уж очевидной, по крайней мере в женской части погребальной практики.

Также мы можем предположить, что практика погребального использования огневых принадлежностей в корякской культуре имеет глубокие корни еще на «деревянной» стадии огнедобычи. Подтверждение этому могли бы дать археологические свидетельства, но в настоящее время дело осложняется отсутствием данных о достоверно древнекорякских погребениях вообще¹⁴, а также неразработанностью вопроса о древней огнедобыче и включенности соответствующих элементов в древний погребальный ритуал на Крайнем Северо-Востоке Азии. Однако, перспективность этого направления подтверждается хотя бы материалами древнеэскимосских Уэленского и Эквенского

могильников, где в 63 могилах из 265 обнаружены предметы, часть из которых может представлять компоненты деревянных огневых приборов: накладки на лучковые сверла (специально оформленные и в виде таранных костей северного оленя — оленьих астрагалов), лучки, деревянное сверло [19, 20]. Однако в одном из этих захоронений (№ 100 из парного погребения 99–100 Эквенского могильника) в благоприятных для сохранности дерева условиях найдены и достоверные детали деревянного огневого прибора — фрагменты огневого сверла и доски: они были найдены у мужского костяка, тогда как «бабки-накладки» — у мужского и у женского [20. С. 46. Рис. 19]. С получением огня мог быть связан и встреченный в пяти могилах пирит [19. С. 48; 20. С. 20, 37, 54, 69].

Можно заметить, что все заключения по поводу места ударных огневых комплексов в погребальной обрядности коряков могут делаться на источниковой базе, пока еще крайне фрагментарной в отношении ареальных, хронологических, этносопоставительных и гендерных характеристик, что при неясности пределов допустимых экстраполяций подразумевает неизбежно высокую долю условности в согласовании разновременных, разнотерриториальных и разноэтнических данных. При этом вполне очевидно, что если ранние этапы этой истории могут быть в какой-то степени прояснены в ходе археологических исследований, то для специально этнографических изысканий в потоке живой культуры времени практически не осталось. Возможность получить устные свидетельства в ближайшем будущем исчезнет, а личные мемориальные и просто залежавшиеся вещи, как и музейные собрания, станут предметом исключительно вещеведческих штудий и основанных на них гипотетических построений. Что, впрочем, не так уж и плохо — были бы зафиксированы сами предметные комплексы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ареал сложения гетерогенной верхнепареньской группы коряков был довольно широким. В него вошли смежные локальные территориальные группы: оленеводы и их потомки, кочевавшие в бассейнах рр. Парень, Тылхой, на п-ове Тайгонос, по правым притокам р. Омолон (таким как верховья р. Кегали и на всем протяжении р. Крестик), а также оленеводы и их семьи, прибывшие с Северной Камчатки.

² Возможно, из-за «нетрадиционного» нового вероисповедания они не были бы использованы в любом случае.

³ Несмотря на то, что ружейные кремни бытовали на Крайнем Северо-Востоке Азии и поставлялись сюда начиная с появления русских в середине XVII в., литературные сведения о них крайне скудны.

⁴ 4 августа 2017 г. в семье верхнепареньских коряков Г.И. Итека и С.А. Инылиев довелось наблюдать в чем-то близкий хранимый «подготовительный» погребальный комплект, в котором кроме орнаментальных полос, специальных алыков с особыми стопорами-узлами для погребальных оленей и прочего в отдельном мешочке с непонятной связкой из трех пуговиц находился и огневой комплект вообще без ключевых элементов (кремней и металлического кресала): деревянная серница, сера в ровдужном узелке, отдельный трут и тканевый узелок с трутом. Ранее этот комплект принадлежал первой жене отца Г.И. Итека — Аннат (1919 г.р.).

⁵ По свидетельству В.В. Горбачевой (устное сообщение от 25.11.2014), в сопроводительный инвентарь кладут модель железного огнива, сделанную из проволоки, которую сворачивали в виде калача.

⁶ В погребальном инвентаре, который одному из авторов приходилось видеть у верхнепареньских коряков, чаще встречались табакерки-модели, чем подлинные. Такими моделями выступали круглые жестяные коробки различного размера: из-под бальзама «Золотая звезда» (погребальный набор М.С. Кевевхая, 1961 г.р., наблюдение 26.09.2010); из-под вазелина (погребальный набор И.И. Эквинина, 1960 г.р., наблюдение 05.08.2011); из-под леденцов монпасе (погребальный набор О.К. Итек, 1965 г.р., наблюдение 19.09.2010). По объяснению информантов (Н.И. Эквинина, 1933 г.р., интервью от 05.08.2011; О.К. Итек, интервью от 19.09.2010, Е.Н. Икова, 1958 г.р. и Т.А. Мелгинкова, 1964 г.р., интервью от 26.09.2010), жестяные коробки стараются запасти заранее, они ценятся именно как похоронная принадлежность.

⁷ В данном случае мы понимаем модернизацию как трансформацию существующей погребальной структуры в результате внедрения в нее сторонних «прогрессивных» технологических элементов.

⁸ Впрочем, информация о двух огневых камнях находит косвенное соответствие в словах П.М. Тынакьява, который не помнит, чтобы наблюдал получение огня ударным способом, но знает прозрачный камень (*тэнав'н*), дающий искры как будто бы при ударе о другой такой же камень.

⁹ Интервью в июле 2016 г.

¹⁰ Устное сообщение от 25 ноября 2014 г.

¹¹ Это делали в тех случаях, когда не осталось родственников, которые могут вещи унаследовать. На Чукотке В.В. Горбачева была свидетелем того, что женщина, потерявшая сына, связала утрату с нарушением именно этого правила и устроила сожжение вещей, в том числе деревянных огнив (устное сообщение от 25.11.2014)

¹² Нам известен лишь один достоверный случай сожжения деревянного огнива на погребальном костре вместе с владельцем: в начале 2017 г. при похоронах верхнепареньского коряка П.К. Коялхута (1942 г.р.) сгорел один из пары семейных гычгев. Но это мы относим на счет финального этапа истории деревянных огнив, когда они, после практически полного исчезновения регионального оленеводства, сохраняют (или вновь возрождают), возможно, лишь одну из своих генетически-изначальных функций – функцию личного и / или семейного охранителя.

¹³ В отличие от металлического «семейного огнива» нивхов, феномен которого в его возможной генетической связи с деревянным огнем заслуживает отдельного анализа.

¹⁴ Хотя отдельные элементы деревянных снарядов уже известны на непогребальных древнекоряжских объектах. На северном побережье Пенжинской губы, на стоянке Каменная I, возможно, относящейся к атарганской стадии (X–XIII вв. н.э.) древнекоряжской культуры или к еще более раннему периоду, найдено деревянное приспособление для добывания огня с отверстием сверху и углублениями от сверла – пятью с одной стороны и тремя с другой. Также на правом берегу бухты Рассвет на о. Завьялова была обнаружена сверлильная накладка, которая могла использоваться при высверливании огня [18. С. 91, 100, 102].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Коряжские огневые приборы ударного действия // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 246–264.
2. Воробей И.Е., Хаховская Л.Н., Митько О.А. Огневые приборы в погребальном инвентаре коряков Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. С. 100–110.
3. Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб. : Наука, 2004. 152 с.
4. Горбачева В.В. Традиционные черты в современной похоронно-поминальной обрядности у оленеводов ачайваямской группы // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 51–63.
5. Горбачева В.В., Мастогина Т.М. Похоронная обрядность. Коряки // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М. : Наука, 1980. С. 216–221.
6. Гурвич И.С. Новые данные по традиционной обрядности коряков // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1987. С. 75–84.
7. Лебедев В.В. Похоронный обряд ачайваямских коряков-олeneводоов // Полевые исследования Института этнографии в 1975 г. М. : Наука, 1977. С. 54–62.
8. Максимов И. В последний путь по-коряжски // Независимая газета. 2003. 1 дек. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2756>
9. Орлова Е.П. Обряд погребения и погребальная одежда коряков Камчатской области // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 350–359.
10. Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. New York ; Leiden : E.J. Brill ; New York : G.E. Stechert & Co., 1905. Vol. VI, pt. I-II: Memoirs of the American Museum of Natural History. XV, 842 p.
11. Ballin T.B. Gunflints from Drottningen af Sverige (1745) and Concordia (1786) // Arms & armour. 2014. Vol. 11, № 1. P. 44–67.
12. Ballin T.B. Identification of gunflints from shipwrecks. 2014. URL: <https://www.seawarmuseum.dk/cgi-files/mdmgfx/file-1045-469778-1760.pdf>
13. Галимова М.Ш., Ситдилов А.Г., Хабаров В.В. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трассологическое исследование // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 256–276.
14. Колесник А.В., Яковец М.Ю., Климова К.И. Комплексы ружейных кремней XVIII–XIX вв. из Крыма // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 309–324.
15. Bogoras W. The Chukchee. Religion. Leiden ; New York, 1907. Vol. 7, pt. 2. P. 277–536.
16. Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939. Т. 2. 195 с.
17. Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Материалы по археологии и этнографии. Л., 1977. Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). С. 117–171.
18. Пташинский А.В. Новые стоянки побережья Пенжинской губы // Краеведческие записки. Петропавловск–Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1989. Вып. 6. С. 91–118.
19. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М. : Наука, 1969. 208 с.
20. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М. : Наука, 1975. 240 с.

Igor E. Vorobey, Magadanskiy Regional Studies Museum (Magadan, Russia). E-mail: vorobey.ie@magadanmuseum.ru;

Lydmila N. Khakhovskaya, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo FEB RAS (Magadan, Russia). E-mail: hahovskaya@neisri.ru;

Oleg A. Mitko, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: omitis@gf.nsu.ru

A NEW INFORMATION ABOUT FIRE-MAKING APPARATUS IN THE FUNERAL PRACTICE OF KORYAKS OF NORTH-EVEN DISTRICT, MAGADAN REGION

Keywords: Magadan, the Koryak, herders, funeral rites, fire-making apparatus, flint, sulphur, matches, gender specificity.

This publication follows up a series of articles dedicated to the study of the traditional methods of making fire by the reindeer herding Koryak population located in the North-Even district of the Magadan region. The purpose of this article is to analyze the impact of fire tools and their use in the funeral rituals. The relevance of this research is supported by the extreme lack of today's opportunities to conduct specific thematic studies of the Koryaks' living traditions and culture. The descriptions of the Koryak's funeral rituals can be rarely met and are never thoroughly analyzed in the ethnographical researches.

The research was based on the preparatory female burying inventory kit, mostly selected in the end of the 1960-1970 period. Due to various reasons these belongings were not burnt in the funeral pyre with their owner, who has departed in 2013. The funeral inventory had two impact fire-making toolkits, but none of them had the most important component: a fire-steel. The peculiarity of the first fire-making kit, which had a tinder and a sulphur box, was in the substitution of the flint with an archeological stone bifacial knife. The second toolkit, which comprised a pinch of natural sulphur, three flints and one "British" gunflint (dated 19 century), also contained bead flinders and small grains of bugle, which adds a new dimension of a traditional sacrifice practice.

The formulated hypothesis regarding the three-steps assembly of the modern polymorphic and multifunctional complex of the Koryaks' fire-making tools, the oral testimonies of Koryak informants and the literature data allowed to conduct the following conclusions. In the Koryak culture the practice of fire-making items used in burying rituals has a deep historical background of times when the fire was obtained with the wooden tools. However, there is no direct archeological evidence to support this fact. Later, the wooden fire board for the ritual funeral inventory were substituted with the impact fire tools: they did not find their constant place among the domestic household items and family legacies. In 19-20 centuries during the funerary rituals the wooden fire boards were presented as copycat models

which replaced real products. The developed practice of the impact fire tools substitution and modeling was associated with the depletion of the metal fire tools source. Another conclusion was made about the possible gender specifics, that is associated with the reason why the steel and flint were included in the women's funerary inventory. This fact questions the theory about the purpose of the funerary fire-making items as a toolset for smoking.

REFERENCES

1. Vorobey, I.E., Khakhovskaya, L.N. & Mitko, O.A. (2013) Koryak Fire-Making Apparatus. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12(7). pp. 246–264. (In Russian).
2. Vorobey, I.E., Khakhovskaya, L.N. & Mitko, O.A. (2015) Fire-making apparatus in the funeral inventory Koryak Nord-Even district of Magadan region. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 14(3). pp. 100–110. (In Russian).
3. Gorbacheva, V.V. (2004) *Obryady i prazdniki koryakov* [Koryak ceremonies and holidays]. St. Petersburg: Nauka.
4. Gorbacheva, V.V. (2012) Traditsionnye cherty v sovremennoy pokhoronno-pominal'noy obryadnosti u olenevodov achayvayamskoy gruppy [Traditional features in modern funeral and memorial rituals of reindeer breeders of the Achayvayam group]. *Muzey. Traditsii. Etnichnost'*. 2012. № 2. pp. 51–63.
5. Gorbacheva, V.V. & Mastuygina, T.M. (1980) Pokhoronnaya obryadnost'. Koryaki [Funeral rituals. Koryaks]. In: *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family rituals of the peoples of Siberia. Comparative Study Experience]. Moscow Nauka, 1980. pp. 216–221.
6. Gurvich, I.S. (1987) Novye dannye po traditsionnoy obryadnosti koryakov [New data on the traditional rituals of the Koryaks]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Traditsionnye verovaniya i byt narodov Sibiri. XIX – nachalo XX v.* [Traditional beliefs and life of the peoples of Siberia. The 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 75–84.
7. Lebedev, V.V. (1977) Pokhoronnyy obryad achayvayamskikh koryakov-olenovodov [Funeral rite of the Achayvayam Koryak reindeer herders]. In: Vainstein, S.I. (ed.) *Polevye issledovaniya Instituta etnografii v 1975 g.* [Field Research of the Institute of Ethnography in 1975]. Moscow: Nauka. pp. 54–62.
8. Maksimov, I. (2003) V posledniy put' po-koryakski [On the last journey in Koryak style]. *Nezavisimaya gazeta*. 1st December. [Online] Available from: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2756>
9. Orlova, E.P. (1974) Obryad pogrebeniya i pogrebal'naya odezhda koryakov Kamchatskoy oblasti [Burial ceremony and burial clothes of the Koryaks of the Kamchatka region]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 350–359.
10. Jochelson, W. (1905) The Koryak. In: Boas, F. et al. *The Jesup North Pacific Expedition Publications*. Vol. 6. New York; Leiden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert & Co.
11. Ballin, T.B. (2014) Gunflints from Drottningen af Sverige (1745) and Concordia (1786). *Arms & Armour*. 11(1). pp. 44–67. DOI: 10.1179/1741612414Z.000000000032
12. Ballin, T.B. (2014) *Identification of gunflints from shipwrecks*. [Online] Available from: <https://www.seawarmuseum.dk/cgi-files/mdmgfx/file-1045-469778-1760.pdf>
13. Galimova, M.Sh., Sitdikov, A.G. & Khabarov, V.V. (2014) Gun-lock flints and the fire stones from excavations in Kazan: experimental and traceological research. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3. pp. 256–276. (In Russian).
14. Kolesnik, A.V., Yakovets, M.Yu. & Klimova, K.I. (2016) Complexes of Gun flints of the 18th – 19th Centuries from the Crimea. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 4. pp. 309–324. (In Russian).
15. Bogoras, W. (1907) *The Chukchee. Religion*. Vol. 7(2). Leiden; New York: [s.n.]. pp. 277–536.
16. Bogoraz, V.G. (1939) *Chukchi. Religiya* [The Chukchee. Religion]. Vol. 2. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi.
17. Vdovin, I.S. (1977) Religioznye kul'ty chukchey [Religious cults of the Chukchi]. *Materialy po arkhenologii i etnografii*. 33. pp. 117–171.
18. Ptashinsky, A.V. (1989) Novye stoyanki poberezh'ya Penzhinskoy guby [New sites on the coast of the Penzhina Bay]. In: Ponomarenko, A.K. (ed.) *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes]. Issue 6. Petropalovsk–Kamchatskiy: Dal'nevost. kn. izd-vo. pp. 91–118.
19. Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.A. (1969) *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov (Uelenskiy mogil'nik)* [Ancient cultures of the Asian Eskimos (Uelen burial ground)]. Moscow: Nauka.
20. Arutyunov, S.A. & Sergeev, D.A. (1975) *Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya (Ekvenskiy mogil'nik)* [Problems of the ethnic history of the Bering Sea (Ekven burial ground)]. Moscow: Nauka.